

Народные знания о съедобных, целебных и ядовитых грибах тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов в историко-культурной традиции второй половины XIX — первой четверти XXI в.

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: podmaskin@yandex.ru

Статья посвящена малоизученной проблеме. Автором установлено, что у коренных народов Дальнего Востока России до середины XIX в. был крайне низкий уровень знаний о почвенных грибах и сохранилась идентичность традиции к выработке специализированной тайной системы знаний о древесинных грибах. Именно они служили существенным показателем жизнеобеспечения и мировоззрения, были связаны с изобретением и транспортировкой огня, лечением и являлись пищей. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что представления о грибах дополнены данными «неместной» традиции. Со второй половины XIX в. под влиянием культуры питания русских переселенцев у аборигенов происходит разрыв традиции при изменении практик в отношении к съедобным почвенным грибам. Проведённое исследование показало, что в народных знаниях о грибах сохранялась традиция передачи этнических ценностей, первоначально воспринимаемых в аспекте эзотерической функции, способствующей мифологизации. В настоящее время под влиянием положительных народных знаний прошлого русского населения сказывается разрыв традиции и появление в массовом сознании коренных жителей экзотерических устойчивых принципов идентичности к природным ресурсам. Меняется отношение к сбору грибов, появляется гастрономический интерес к ним, что отражает идентичность культуры жизнеобеспечения и изменение социально-экономической структуры этнических общностей. Сегодня с развитием рыночных отношений сбор пищевых грибов резко увеличивается, становится важным источником дохода для местного населения. Существенно, что в результате общения коренных народов Севера с русским населением

расширился ассортимент пищевых продуктов и лечебных средств. В статье рассматриваются способы сбора, заготовки и приготовления в пищу грибов в настоящее время. Исследование показало, что на основе доминирующих рациональных начал народных знаний о дикоросах создаётся оригинальная система жизнеобеспечения, направленная на развитие адаптационно-адаптирующей деятельности человека в экстремальных условиях Дальнего Востока России.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, народные знания, грибы (съедобные, целебные, ядовитые), традиционное природопользование, Дальний Восток России.

Folk Knowledge about Edible, Medicinal and Poisonous Mushrooms of the Tungus-Manchus and Paleo-Asians in the Historical and Cultural Tradition between the Second Half of the 19th Century and the First Quarter of the 21st Century.

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

The paper is devoted to a poorly studied problem. It is concluded that until the mid-19th century the indigenous peoples of the Russian Far East had an extremely low level of knowledge about soil fungi and preserved the identity of the tradition of developing a specialized secret system of knowledge about wood fungi. They served as a significant indicator of life support and worldview, were associated with the invention and transportation of fire, treatment and food. It is impossible not to take into account the fact that ideas about mushrooms were supplemented by data from a “non-local” tradition. From the second half of the 19th century, under the influence of the food culture of Russian settlers, the aborigines experienced a break in tradition in changing practices in relation to edible soil mushrooms. The study showed that folk knowledge about mushrooms preserved the tradition of transmitting ethnic values initially perceived in the aspect of an esoteric function that contributes to mythologization. Currently, under the influence of positive folk knowledge of the incoming Russian population, there is a break in tradition and the emergence of exoteric stable principles of identity to natural resources in the mass consciousness of the indigenous people. We see how attitudes towards the lack of gastronomic interest in mushroom picking change over time, which reflects the identity of the culture of life support and changes in the socio-economic structure of ethnic communities. Today, with the development of market relations, the collection of edible mushrooms is sharply increasing and becoming an important source of income for the local population. It is significant that due to communication between the indigenous peoples of the North and the Russian population, the range of food products and medicinal products expanded. The methods of cooking mushrooms for food, collecting

and harvesting them at present are analyzed. The study showed that on the basis of the dominant rational principles of folk knowledge about wild plants an original life support system is created aiming at developing adaptation and adaptive human activity in the extreme conditions of the Russian Far East.

Keywords: Tungus-Manchus, Paleo-Asians, folk knowledge, mushrooms (edible, medicinal, poisonous), traditional nature management, Russian Far East.

ВВЕДЕНИЕ

Грибы появились на Земле, по некоторым предположениям, в архейскую эру, т.е. миллиард лет назад, они активно участвовали в формировании биосферы. Живут за счёт живых или умерших организмов. Благодаря симбиозу с грибами растения смогли выбраться из океана и стать наземными. Грибы участвуют в почвообразовании, защищают корни растений от паразитов. Только благодаря грибам у нас есть хлеб и вино — древняя пища человека, ставшая основным атрибутом многих религиозных ритуалов. Если бы не дрожжевая закваска, тесто никогда бы не задышало, а ягодный сок не забродил. Особое отношение к грибам сохраняется в традиции у всех народов мира, в связи с чем на первый план выступают лечебные и психотропные свойства, связанные с символической фигурой священного красного мухомора. Этот образ ярко представлен в мировом мифопоэтическом творчестве и достаточно хорошо изучен [5; 11; 13; 15; 44; 47; 49—50]. Однако дальневосточная историография темы применительно к сообществам, не имевшим в прошлом письменности, сравнительно невелика и не получила должного осмысления [31, с. 227—229]. Народные знания о грибах отличались сложностью, где точные наблюдения переплетались с древними анимистическими воззрениями, характеризовались социально-экономическими и демографическими показателями и всецело были связаны с этническими процессами.

Теоретической базой исследования послужил приемлемый «путь культурной адаптации, выбранный этнической группой в конкретных социально-исторических и экологических условиях» [24, с. 31]. В методологическом плане автор статьи использует структурно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить способы жизнедеятельности, выработанные этническими общностями в процессе приспособления к конкретным природным и социальным условиям их существования. Такое положение и обусловленный им комплексный подход к исследованию взаимосвязи этнокультурных процессов с окружающей средой позволили прийти к выводу о том, что положительные народные знания

о грибах, обусловленные потребностями в пищевых и лечебных ресурсах, существенно повлияли на жизнеобеспечение коренных малочисленных народов Дальнего Востока России. Материалы статьи подтверждают концепцию о хозяйственно-культурном типе как совокупности всех созданных человеческим трудом материальных и духовных ценностей конкретных обществ в их функциональной взаимосвязи. С позиции интеллектуально-антропологического интереса проявляются два древних взаимосвязанных потока в представлениях о феномене: положительные знания и иллюзорные понятия, обусловленные мифологией и реальными верованиями.

В основе работы лежат историко-этнографические и филологические исследования второй половины XIX — первой четверти XXI в., полевые материалы автора, собранные у коренных народов Приморского и Камчатского края. Обнаружен и показан ряд съедобных и лечебных грибов, до сих пор распространённых в традиции тунгусо-маньчжурских народов (рис. 1—7). Русские названия грибов определены по данным миколога Е.М. Булах [9]. Цель данной статьи — определение места и роли грибов в жизнеобеспечении этносов Дальнего Востока России как отражения специфических этнокультурных универсалий. Именно это и определило задачи исследования — анализ положительных народных знаний и искажённых представлений о феномене в системе этнокультур.

Рис. 1. Дохта ботони (удэгейцы) — чага берёзовая. 2021 г. Фото автора

Рис. 2. *Рейши* (удэгейцы, нанайцы) — трутовик лакированный. 2021 г.
Фото автора

Рис. 3. *Пытыха* (орочи) — вёшенки. 2021 г. Фото автора

Рис. 4. *Гяуса уни* (удэгейцы) — ежовик гребенчатый. 2021 г. Фото автора

Рис. 5. *Боато* (удэгейцы) — дождевик жемчужный. 2021 г. Фото автора

Рис. 6. *Питигэ* (удэгейцы, орочи) — трутовик настоящий. 2021 г.
Фото автора

Рис. 7. *Сыктыкса* (орочи) — «жёлтый дубочек». 2021 г. Фото автора

ГРИБЫ КАК ПИЩА

Следует отметить, что в мировой практике отношение к съедобным грибам на разных исторических этапах и в разных сообществах было далеко не одинаковым. Например, в скотоводческих сообществах они считались вредоносными. В настоящее время их не едят финны, турки, германцы [28, с. 19], татары и башкиры [9, с. 6].

До контактов с русскими переселенцами почвенных грибов из-за старинных суеверий не употребляли в пищу удэгейцы, нивхи и эскимосы, так как эти дикоросы — «уши злых духов». По представлению юкагиrow, грибы произрастают от собачьей мочи.

Грибы — излюбленная пища насекомых и диких животных. Они важный продукт для оленей, белок, медведей, кабанов, мышей. Предпочтение отдаётся свежим подберёзовикам, моховикам и белым. Красные мухоморы животные ели в небольшом количестве для избавления от кишечных паразитов [9, с. 6]. В конце XIX в. в народном календаре эвенов отмечен природно-хозяйственный осенний сезон *монтэлсэ*, связанный с массовым появлением грибов и исчезновением гнуса. Это был сигнал к отпуску оленей на свободный выпас [18, с. 127]. Эвенки заметили: если заготовленные белой грибы висят на нижних ветвях лиственницы, то зима будет малоснежной [46, с. 93]. Неслучайно на основе точных наблюдений за рационом промысловых животных появился гостинец для детей у юкагирских охотников — «желудок белки, наполненный орехами и грибами, прожаренный на рожне у костра» [40, с. 34]. Длительные наблюдения за животными, которые употребляли в пищу грибы и лечились ими, вероятно, послужили дополнением для развития положительных народных знаний о феномене в результате этнокультурных контактов.

Тунгусо-маньчжуры заметили связь пищевых грибов с древесными породами, что, вероятно, напоминает в низовой традиции о принадлежности грибов к мировому Дереву жизни. Поражает богатство экологической лексики в языке, такое, что подчас некоторым терминам не находится прямых русских соответствий. Сохранились просторечные нанайские названия: *ханганкора пичхэние* — «лиственничные», *гуу орани мого* — «грибы на стволе дуба», *додоакта пичхэни* — «дубочки на пнях» [37, с. 17]. Произрастание грибов на определённом виде деревьев отмечено также у удэгейцев: *изенке могони* — «грибы ильма», *сакта коини* — «уши ивы». Юкагирское название гриба *шан-паи* — «дерево-девушка» [17, с. 593].

Некоторые удэгейские названия отразили характерные черты окраски местных животных и птиц. Например, «грибная лапша» *гяуса уни* — «белое пятно косули» — съедобный гриб (рис. 4), «дождевик с чёрными спорами» *гакта тони* — букв. «вороний огонь» — ядовитый гриб [32, с. 214]. Степень развитости и специфику таких

знаний обуславливала практика промыслового хозяйства. Распространённые на древесине съедобные грибы орочи запоминали по цвету. У них *пытыха* — «белые» (рис. 3) и *сыктыкся* — «жёлтые» (рис. 7) [25, с. 60]. Согласно календарю Л.Н. Васильевой, различные виды грибов растут в разное время: ильмовые (белые по цвету) — с мая до сентября, жёлтые (ольховые, липовые, дубочки) — позднее, со второй половины сентября и весь октябрь [10, с. 33].

Ряд представлений о трутовиках (рис. 6) тунгусо-маньчжуры связывали с облачным небом. Удэгейцы эти грибы называют *агди тони*, негидальцы — *агди чоканин* — «огонь грома» [32, с. 214; 41, с. 12]. Г.Н. Потанин отмечал, что тунгусы объясняют появление грибов от грозы *шангар* (*сангар*, *хангар*) [34, с. 125]. Эвенки полагали, что мифический гром Агди — Небесный старик — высекает красалом огонь, от этого действия раздаются раскаты грома и сверкают молнии, поражая злых духов на средней земле [4, с. 11]. Гром Агди широко распространён в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов как творец мира и помощник небожителей [35, с. 181—188].

Среди маньчжуров, китайцев, тазов, нанайцев и удэгейцев зафиксировано общее слово для древесинных грибов — *мого* (*могу*) [41, с. 542]. Маньчжуры выделяли среди них *санча* — «пищевые» [42, с. 61]. В своё время съедобные свойства грибов познавались на опыте достижений маньчжуров, которые, возможно, открыли путь к признанию пищевых свойств грибов (табл. 1).

До общения с русским населением нанайцы не употребляли в пищу почвенных шляпочных грибов. Наиболее популярными

Таблица 1

Съедобные грибы в традиции народов Дальнего Востока

Этносы	Экологические группы	Названия	Способы приготовления
удэгейцы	древесинные	<i>мого</i>	варка
нанайцы	древесинные	<i>мого</i>	варка, сушка
орочи	древесинные	<i>пытыха</i> — «белые», <i>сыктыкся</i> — «жёлтые»	варка
ульчи	древесинные	<i>тунгда питэни</i> , <i>ауда питэни</i> , <i>на сунгкэни</i>	варка, жарка
тазы	древесинные	<i>мого</i>	варка, жарка
маньчжуры	древесинные	<i>мого</i> (<i>могу</i>), <i>санча</i> — «пищевые»	варка, сушка
нивхи	древесинные	<i>чага</i>	варка
коряки	древесинные	<i>чага</i>	варка
чукчи	древесинные	<i>чага</i>	варка
русские	почвенные, древесинные	<i>чага</i> , <i>трутовик</i> , <i>белый</i> , <i>сыроежка</i> , <i>маслёнок</i> , <i>лисичка</i> , <i>опёнок</i> , <i>рыжик</i> , <i>груздь</i> и др.	варка, жарка, сушка, засол, маринование и консервирование домашним способом

считались *хангангска пичхэни* — «чёрные дубовики». Они растут на сухих стволах дуба. Собирали эти дикоросы с мая по сентябрь. На зиму их сушили. Перед едой грибы замачивали в воде на ночь, после чего они принимали первоначальную форму и почти не отличались от свежих. Предварительно покрошив, их опускали в рыбный бульон, который приобретал особый приятный вкус холодца из хрящевых рыб. Этот суп у нанайцев имел наименование по названию грибов — *хангангска пичхэн чолони* [36, с. 114].

Грибной суп нанайцы варили из зимних опят — *додоакта пичхэни*. Они растут чаще всего на иве, но встречаются также на основаниях стволов и пнях лиственницы. Сбор их осуществлялся дважды в год, в мае и поздней осенью. Суп, сваренный с зимними грибами, у нанайцев назывался *додоакта пичхэн чолони* [36, с. 115].

Деликатес тазовской кухни — съедобные грибы *мого*, растущие на ильме *фамо*, дубе *моэы*, а также опята *теймо*. Их варили и жарили на соевом масле или сале. Часть продуктов шла на продажу китайским перекупщикам [33, с. 169, 295].

Не меньшей популярностью пользовались съедобные грибы, вырастающие на древесине, в удэгейской кухне. Чаще всего использовались: *гяуса уни* — ежевик гребенчатый (лапша) (рис. 4), *зянгмо* — опёнок зимний, *изенке могони* — вёшенка устричная (рис. 3), *ихи питигани* — трутовик чешуйчатый, *сакта коини* — чешуйчатка золотистая [32, с. 214]. Практиковалось плантационное выращивание дикоросов на повале леса.

На стволах тальника и других деревьев ульчи собирали три вида древесинных грибов: *тунгда питэни*, *ауда питэни*, *на сунгкэни*, из которых готовили суп, а также их жарили [39, с. 96]. Следует отметить, что сперва грибы отваривали, и уже потом жарили.

По сообщению Е.К. Алексеевой, грибы не собирали эвены, относя их к числу запретных, считали «оленьей едой» [3, с. 75]. Заметно меняется отношение к съедобным грибам сегодня. Их собирают многие. «Сами удивляемся, — комментировала новое блюдо на своём обеденном столе Ф.И. Курчатова (Эвено-Бытантайский район Якутии), — раньше их только олени ели» [18, с. 88].

Со временем отношение к грибным продуктам получило иные толкования или сохранилось как традиция, непонятная для самих участников трапезы. Как известно, в последнее время происходят изменения в самой пище в целом. Интерес прежде всего касается расширения рациона с включением в состав меню новых блюд при полном отсутствии обрядовой их роли и «магических» свойств.

Отдельные семьи юкагиров, чуванцев, охотских эвенов и ительменов под влиянием славянских переселенцев стали употреблять в пищу почвенные грибы с XVIII в. Способы их заготовки, обработки, хранения и приготовления заимствованы у русских [19, с. 139]. Заготовкой дикоросов занимаются специализированные государственные учреждения. Сбор грибов производится как для сдачи

их на заготовительные пункты, так и для личного потребления [29, с. 152—154]. Грибы идут в пищу свежими, тушёными, жареными, варёными (в виде супов, соусов, грибных салатов), солёными или же заготавливаются впрок — сушёными и маринованными. С появлением холодильников грибы стали замораживать [ПМА-2].

Традиционно у древних славян и литовцев к сбору грибов сложилось особое отношение, как нигде больше. Они давно знали лесной календарь, съедобные грибы (на Дальнем Востоке известно более 200 видов) и отличали их от ядовитых и несъедобных, разработали способы заготовки и консервирования, проверенные временем [9; 10, с. 33—50; 16, с. 14—140; 28, с. 174]. Как стало известно, коренные народы до связи с русскими переселенцами не заготавливали впрок грибы — в солёном (засаливать грибы принято только в России), маринованном виде, не знали замораживания дикоросов. Положительные знания о грибах русских переселенцев расширили возможности коренного населения в отношении хозяйственной специализации и адаптации к ландшафтно-климатической зоне.

Аборигены под влиянием русских стали готовить лечебные настойки из местной флоры на водке, спирте, виноградном вине. Тарой служила стеклянная и фарфоровая посуда, меркой — стакан, чайная и столовая ложка. В то же время русское население переняло от тунгусо-маньчжуров лекарства и новые блюда из грибов, растущих на древесных породах.

Съедобные древесинные грибы издревле научились отличать от ядовитых в Китае, Корее, Маньчжурии. Восточная медицина серьёзно относилась к грибной терапии (фунготерапии): в Китае, Корее, Японии, на Тибете грибами лечили много веков [9, с. 153; 20, с. 104], причём вполне официально. В Японии ежегодно собирают тысячи тонн фламмулины бархатистой, или зимнего опёнка, из которых вырабатывают противораковый препарат «Фламмулин» [16, с. 171]. При всей недостаточности сведений письменных источников о взаимовлияниях сопредельных стран с коренными народами юга Дальнего Востока России, можно предположить, что народные знания о съедобных грибах тунгусо-маньчжуров обогащались данными неместной традиции.

ГРИБЫ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Коренные малочисленные народы Севера использовали грибной ресурс как лекарство от опухолей, глистов, при обморожении, травмах, от пьянства и т.д. Например, навозник белый нанайцы иногда применяли для лечения пьяниц. Дождевик жемчужный удэгейцы называли «дедушкин табак», он в народной медицине применялся как кровоостанавливающее и болеутоляющее средство. Порошком перезрелого дождевика присыпали порезы (рис. 5).

Трутовик лиственничный *птитгани* удэгейцам служил как дезинфицирующим средством для лечения ран, так и отравой для животных [32, с. 109]. Трутовик *бомо*, который появляется на корнях шиповника, издавна применялся нанайцами как болеутоляющее средство, спорами дождевика присыпали ожоги (рис. 5), гриб *насал* использовали от болезней глаз [21, с. 87]. Пыльцой различных видов дождевика останавливали кровотечения при порезах [22, с. 84]. Исследователь народов Камчатки Георг-Вильгельм Стеллер отметил, что боли в суставах «ительмены врачевали берёзовым трутом при помощи прижигания тела». Такой способ лечения известен по всей Сибири [27, с. 138]. В народной хирургии грибы использовались как перевязочный и дезинфицирующий материал. Из трутовика настоящего (рис. 6) научились готовить «вату». Для этой цели его варили до размягчения, дробили на мелкие волокна и высушивали. Такая «вата» хорошо впитывала влагу, обладала бактерицидными свойствами и использовалась для заживления ран. Берёзовый трутовик применяли для растирания тела при массаже и пользовались им как обычной мочалкой. На основе популярного табака и золы от губчатой шляпки гриба коряки научились готовить особую жевательную смесь *ялуп* [51]. Примочкой из настоя чаги и калгана эвены залечивали порезы и открытые раны [18, с. 131]. В настоящее время русское население повсеместно использует древесинные грибы не только в пищу, но и в качестве лекарств в виде настоев, отваров, порошков.

Нам удалось найти сведения о лечебном грибе *рейши* (Ганодермовые) — трутовик лакированный (рис. 2), который в народной медицине тунгусо-маньчжуров стал популярным лекарством от многих болезней. В настоящее время удэгейцами, нанайцами и русскими настойка мякоти этого гриба на водке используется для лечебных целей. Собирали эти дикоросы (встречаются редко) на кедровой сосне в августе, затем их сушили, оберегая от прямых солнечных лучей и дождя, под навесом [52]. Археологическое изучение чжурчжэньских памятников XII—XIII вв. засвидетельствовало на бронзовом зеркале рисунок популярного в Древнем Китае мифического гриба бессмертия *линчжи* [48, с. 84]. В XIV в. на китайской одежде сохранились узоры этого гриба в символике красного цвета огня, рождённого молнией, освещающей брачный союз Неба и Земли [43, с. 85, 120]. По данным корабельного врача Н.В. Слюнина, отвар из корешков соснового гриба *мацу-даке* в народной медицине японцев успешно применялся при оказании помощи при родах [38, с. 33].

Нивхам Сахалина известен тонизирующий напиток из спор дождевика, способствующий плодородию и связанный с верой в души, посланные небесными прародителями людям [22, с. 84]. По представлению орочей, душа человека, достигнув неба, идёт к «тигровой» или «медвежьей» старухе, которая её кормит, после чего душа сбрасывается на землю и становится грибом-дождевиком,

вселяется в женщину и рождается вновь [1, с. 329—330]. Этот мифологический мотив связан с темой плодovitости.

Палеоазиаты и тунгусо-маньчжуры знакомы с самым древним способом розжига огня из трутовика при помощи кремня (рис. 6). Гриб не ядовитый, даже исследуется на предмет фармакологической активности. Согласно представлениям удэгейцев, мифический трутовик Канда Мафа (Старец) стал жилищем для Хозяина Огня (Пузя Азани) [29, с. 85, 149]. Ульчи этот гриб именовали *пити*, орочи — *питигэ*, уйльта (ороки) — *пите*, нанайцы — *пичихэ* [42, с. 39], нивхи — *пук*, айны — *ни карусь* [14, с. 122]. Возможно, слово происходит от *пэтэ* — «искра». Устойчиво сходные названия грибов указывают на культурные взаимосвязи в форме технологических заимствований. Тлеющие угли трутовика повсеместно использовались для сохранения и транспортировки огня и отпугивания гнуса его дымом. Исследователь народов Нижнего Амура А.Ф. Будищев писал: «Из древесных губок делают трут для добывания огня, запасы его делают большие, ибо всё лето ни китаец, ни дикарь не выйдет в лес без дымящейся губки, повязанной вокруг головы, которая спасает их от комаров и мошек» [8, с. 38]. Высушенный трутник для отпугивания гнуса применялся также у коряков и чукчей [7, с. 168].

В экстремальных условиях Севера до сих пор промысловики используют трутовик для поддержания огня, защиты от насекомых, получения натуральных красителей и кислот при выделке шкур [9, с. 6].

Вместо чая ительмены, эвены, уйльта (ороки), удэгейцы употребляли чёрный берёзовый гриб, известный у русских под именем *чага*, у ительменов — *кеюк*, тунгусов — *чалбан чай*, уйльта (ороков) — *силту*, удэгейцев — *дохта ботони*, орочей — *сиктиксэ* [2, с. 223] (рис. 1). У коряков предварительной обработке чага не подвергалась. Хороший экземпляр должен тонуть в воде. Иногда её собирали про запас. Кусочки гриба клали в чайник, в котором они разваривались. Чага при заварке давала ароматный тонизирующий тёмно-коричневого цвета напиток. Такой чай, по нашим наблюдениям 1992 г., перед едой коряки регулярно распивали два раза в день без сахара, не торопясь, с удовольствием, не лёжа и не сидя, а только стоя [52]. При отсутствии чая колымские юкагиры кипятили берёзовый или осиновый трутовик с «чёрными грибами» и стеблем шиповника [45, с. 97]. Чагу применяли в обрядах. При эпидемии гриппа сахалинские нивхи дымом от сжигания этого гриба окуривали стойбища. Считалось, что таким действием изгонят злых духов [22, с. 84]. В народной медицине тазов чага применялась как мочегонное средство [33, с. 169]. Для религиозных целей орочи изготавливали из берёзового трутовика фигурки животных [2, с. 217].

Таким образом, грибы, являясь важной частью системы жизнеобеспечения этносов, помогали поддерживать процесс сохранения здоровья путём адаптации к природной и социально-культурной

среде обитания. Выявлены интересные параллели не только с сибирским знахарством, но и с восточным практическим медицинским опытом. В аспекте новых данных прослеживаются аналоги с традиционной устной медициной Китая, Маньчжурии, Японии и Тибета.

КРАСНЫЙ МУХОМОР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

Из ядовитых грибов палеоазиатам и тунгусо-маньчжурам знаком мухомор красный. Употребление этого гриба в сыром виде ведёт к появлению слуховых и зрительных галлюцинаций, человек впадает в состояние транса, проходящее само по себе через некоторое время. Растёт он по всему земному шару. Удэгейцы мухомор называли *октая* («лекарство»), ительмены — *кълкъл* («бог пьянства и начальник ядовитых змей»), чукчи — *вап̄а*, коряки — *вапак*, под таким же именем гриб отмечен у эскимосов и алеутов (табл. 2). Вероятно, раньше имя мухомора было запретным, его не произносили вслух, так как гриб ассоциировался со сверхъестественными силами и считался персонификацией вновь рождённых душ.

Таблица 2

Распространение мухомора красного у народов Дальнего Востока России

Этносы	Названия	Использование	Способы приготовления
эвенки	<i>дэвунгктэ</i> — «охровый»	шаманство	сушка
эвены	<i>дэвунгит</i> — «охровый»	шаманство	сушка
ительмены	<i>кълкъл</i> — «бог пьянства и начальник ядовитых змей»	праздник	сушка
коряки	<i>вапак</i>	шаманство	сушка
чукчи	<i>вап̄а</i>	шаманство	сушка
эскимосы	<i>вапак</i>	шаманство	сушка
алеуты	<i>вапак</i>	шаманство	сушка
айны	<i>той карусь</i> — «сыроежки»	праздник	сушка
юкагиры	<i>вапак</i>	шаманство	сушка
удэгейцы	<i>октая</i> — «лекарство»	знахарство	настойка
русские	<i>мухомор</i> — «отрава для мух»	знахарство	настойка

Врач Фридрих Альберт отметил, что в начале XIX в. мухомор на Охотском побережье и Камчатке являлся дорогим товаром, приобретался в обмен на лисий и соболиный мех. Коряки этот гриб смешивали с ягодами в сосуде для брожения и, когда жидкость становилась прозрачной, пили на праздниках. Действие алкалоида, содержащегося в нём, сопровождается галлюцинацией: все предметы кажутся увеличенными. Исследователь также

обнаружил, что и «олени охотно пили одурманивающий напиток и вели себя после приёма как бешеные» [50, р. 135].

Во время праздников в качестве возбуждающего и опьяняющего средства коряки, чукчи, ительмены и юкагиры использовали сушёный красный мухомор. При сухоядении довольствовались тремя пережёванными кусочками, запивая небольшим количеством воды. У коряков сушёный мухомор разжёвывала женщина и давала проглотить жвачку мужу [51]. По версии врача М.М. Добротворского, из почвенных грибов *той карусь* айнам знакомы только сыроежки [14, с. 122]. Возможно, под словом «сыроежки» имелись в виду красные мухоморы, используемые айнами для приготовления алкогольного напитка. Некоторые учёные предполагали, что некогда опьяняющий галлюциногенный напиток ведийских арийцев — *сома* — также приготавливался из красного мухомора и мочи [47, с. 169, 180].

Палеоазиаты, давно заметив наркотическое действие красного мухомора, опытным путём определили безвредные для человека способы применения и дозы. Опьяняющий напиток из этого гриба коряки считали запретным для женщин и детей [51]. Ещё С.П. Крашенинников, изучая историю и культуру ительменов, отметил, что «женский пол как не объедается, так и не употребляет мухомору, чего ради всё веселие их состоит в разговорах, в пляске и пении» [23, с. 427].

Сакральный статус мухомора красного подчёркивался системой запретов и предписаний. Нельзя разделять его на части при помощи ножа и прокалывать иглой. Обычно принимали нечётное число грибов — 3, 5, 7, 9 — один раз в зимнее время [5, с. 46]. Коряки использовали только плоские шляпки красного мухомора, во время сбора запрещалось наступать на грибы. Нарушитель обычая мог погрузиться в кошмарный сон. Оленеводы развешивали мухоморы над входами и окнами своих жилищ, полагая, что тем самым они обеспечивают надёжную защиту от злых духов [51].

Согласно воззрениям чукчей, священный гриб *вапъа* персонифицировался в духа-мухомора, его представляли похожим на настоящий гриб — без шеи и ног, с цилиндрическим телом и большой головой в виде наковальни. Он передвигался, быстро вращаясь [7, с. 141]. Дух-мухомор, по представлению корякских шаманов, обладал большой физической силой: прорастал сквозь камни и деревья, разрывая и кроша их [51].

В шаманской практике палеоазиатов сохранились представления о целительных свойствах мухомора (табл. 2). Но они воспринимались часто в контексте традиционной мифологической космогонии, принявшей магический облик. Если шаман видит во сне мухомор, ему тем самым уже обеспечивается вхождение в него духа-покровителя. Согласно сообщению коряков, «вещий гриб» сопровождал шамана в подземный мир для совета с душами умерших сородичей. Этническим кодом встречи служила обязательная

родовая песня [51]. Ритуальное поедание мухомора шаманом также обеспечивало соответствующий эффект камлания. Экстаз, достигаемый шаманами посредством интоксикации грибами, известен во всей Сибири [49, с. 174]. Наркотическая галлюцинация для архаического сознания так же реальна, как и любое другое необъяснимое явление. Мухоморы во время шаманских обрядов применяли эвены, для этой цели их приобретали у оседлых коряков [3, с. 75]. В шаманской практике анадырских юкагиров гриб также стал активно использоваться под влиянием чукчей и коряков [45, с. 97].

Культ мухомора получил распространение среди индейцев Америки в I тыс. до н.э. [44, с. 335]. Изображение человекоподобных мухоморов в наскальном искусстве Чукотки, Енисея датируется в широких пределах — от I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. [13, с. 47; 15, с. 238—248]. Неслучайно в фольклоре палеоазиатов широко распространены сюжеты о людях-мухоморах. У ительменов мифический ворон Тсал Кутх бросает семью ради девушек-мухоморов *гапак амтальхан* [30, с. 182].

У чукчей сохранились сакральные микротопонимы Анадырского района Магаданской области: Вапъагыттын — «Озеро мухоморов» и Вапъанаиваам — «Гора мухоморов» [26, с. 98]. Возможно, происхождение этих названий связано с событиями, когда чукчи становились бесстрашными воинами, отведав гриба перед битвой, приводя себя в особое возбуждённое состояние, сопровождавшееся потерей чувства тревоги и страха. По мнению Е.А. Верещака, коренные народы Чукотки и Камчатки мухомор красный использовали в качестве тонизирующего средства перед охотой, выпасом оленей, длительными пешими переходами [11, с. 327].

В народной медицине аборигенов Нижнего Амура мухомор красный применялся для исцеления жизненно важных органов и нормализации основных физиологических функций человека. Плодовым телом в день сбора рекомендовали натираться при ревматизме. Студенистым отваром обильно смачивали кусок материи и прикладывали к застуженным участкам тела [12, с. 31]. По представлению ительменов, настойка мухомора на водке или отваре кипрея «делала человека отважным» [23, с. 228]. Но в большинстве случаев применяли сушёный мухомор — сворачивали трубкой и, не разжёвывая, глотали. Кроме того, грибы служили одним из главных товаров обмена с коряками.

Русское население применяло водный экстракт мухомора для уничтожения мух. Сегодня в народной медицине используются настойки на воде в каплях при многих болезнях: стенокардии, головной боли, сахарном диабете, импотенции и др. Настойку втирают в больные суставы при артрозах, что не только снимает боли, но и помогает восстанавливать хрящи [6, с. 80].

Таким образом, мухомор красный нашёл применение в шаманской практике, народной медицине, способствовал развитию тор-

говли, на праздниках из него изготавливали алкогольный напиток. Сложилось двойственное представление о нём: с одной стороны, признавалась несомненная польза, с другой — присутствовал страх из-за сверхъестественных свойств, которые могли использоваться во вред людям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведя итог, отметим, что народные знания о грибах и их использовании аборигенами определялись не традицией, а в большей степени этнокультурными связями. Сбор почвенных съедобных грибов под влиянием русского населения заметно возрос, приобрёл массовый характер в системе жизнеспособности этносов региона и повлиял на стойкость экологических факторов. Грибы стали ценным продуктом в рационе питания и важным средством в народной медицине, способствовали развитию торговли. На основе положительных народных знаний о грибах создавался сезонно-хозяйственный календарь и определитель погоды. Из трутовика настоящего научились добывать огонь, получать красители и дубильные вещества для обработки кож и мехов, изготавливали игрушки и предметы культа. Из мухомора красного, берёзовой чаги, дождевика создавали тонизирующие напитки. Грибы также стали непременным атрибутом шаманства и знахарства. Они давно используются в народном врачевании как сильнодействующие препараты, стимулирующие центральную нервную систему, для анестезии, при мышечных спазмах, оказывают благотворное воздействие при ревматизме и параличе. В народных знаниях о грибах нашли отражение архаические воззрения о природе и человеке, выявилась связь с мифологией, конкретными верованиями. Обобщая имеющуюся информацию по данной проблеме, необходимо отметить, что резкое различие в отношении к грибам в разных культурах не только противопоставляло грибы как пищу «антипище», но и определяло ценность и вредность грибов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аврорин В.А., Козьминский И.И. Представления орочей о Вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображённые на «карте» // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 324—334.
2. Аврорин В.А., Лебедева В.П. Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
3. Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2003. 156 с.

4. Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 106 с.
5. Батянова Е.П., Бронштейн М.М. Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 46—58.
6. Беда Я.А., Беда А.П., Беда А.Я., Никитина Л.Я., Никитин С.О. Определитель 500 важнейших лечебных растений России. М.: Книга и Бизнес, 2013. 304 с.
7. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей / авториз. пер. с англ., послесл. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Наука, 1991. 224 с.
8. Будищев А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Леса Приамурского края. Описание лесов Приморской области. Иркутск, 1883. Т. 5. Вып. 1. С. 3—59.
9. Булах Е.М. Грибы Дальнего Востока России. Владивосток: Русский остров, 2016. 400 с.
10. Васильева Л.Н. Съедобные грибы Дальнего Востока. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1978. 240 с.
11. Верещака Е.А. Традиция использования красного мухомора (по этнографическим материалам чукчей, коряков, ительменов) // Сибирский сборник. 2014. № 4. С. 326—339.
12. Вострикова Г.Г., Востриков Л.А. Медицина народов Дерсу. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1974. 64 с.
13. Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). Л.: Наука, 1971. 131 с.
14. Добротворский М.М. Айнско-русский словарь. Казань: Типография Казанского ун-та, 1875. 488 с.
15. Дэвлет М.А. Древние антропоморфные изображения из Саянского каньона Енисея // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: Наука, 1975. С. 238—248.
16. Ильина Т.А. Грибы. Иллюстративная энциклопедия. Собираем и готовим. М.: Эксмо, 2007. 176 с.
17. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
18. История и культура эвенов / отв. ред. В.А. Тураев. СПб: Наука, 1997. 180 с.
19. Караев А.И. Чукотско-Анадырский край (очерки местного жителя) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 4. С. 136—152.
20. Кирилов Н. Тибетская медицина // Этнографическое обозрение. 1893. № 4. С. 84—120.
21. Кобко В.В. Каталог коллекций Б.О. Пилсудского в Приморском государственном объединённом музее им. В.К. Арсеньева // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. 1999. № 2. С. 3—152.
22. Колосовский А.С. Растения-обереги в религиозных представлениях нивхов // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1989. С. 79—89.
23. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. 841 с.

24. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
25. Леонтович С. Краткий русско-орочонский словарь с грамматической заметкой // Зап. Императорского Русского географического общества. Владивосток, 1896. Т. 5. Вып. 2. 147 с.
26. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1989. 456 с.
27. Лукина Т.А. Г.В. Стеллер о народной медицине Сибири: Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в. // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1982. Вып. 24. Кн. 5. С. 127—148.
28. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967. 258 с.
29. Паничев А.М. Самарга: прошлое, настоящее, будущее. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 177 с.
30. Подмаскин В.В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2013. 248 с.
31. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: Проблемы этногенеза и этнической истории / Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
32. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX—XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.
33. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока России (XVIII—XX вв.). Владивосток: ДВО РАН, 2011. 304 с.
34. Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племён Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. Пятое десятилетие. СС XIX. СПб. Февраль. 1882. С. 116—167.
35. Сем Т.Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Гуманитарная Академия, 2017. 302 с.
36. Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.). Этнограф. очерки / АН СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973. 313 с.
37. Сем Ю.А., Сем Л.И. Лексика, связанная с растительным миром, в нанайском языке // Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера. Л.: Ленинградский гос. пед. ин-т им. Герцена, 1988. С. 3—28.
38. Слюнин Н.В. Народные лекарства на Дальнем Востоке: Младшего судебного врача Н.В. Слюнина. СПб.: Адмиралтейство, 1889. 44 с.
39. Смоляк А.В. Ульчи (хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем). М.: Наука, 1966. 290 с.
40. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
41. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова, О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
42. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / сост. В.А. Горцевская, В.Д. Колесникова,

- О.А. Константинова, К.А. Новикова, Т.И. Петрова, В.И. Цинциус, Т.Г. Бугаева. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
43. Сычѳв Л.П., Сычѳв В.Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975. 131 с.
 44. Топоров В.Н. Грибы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 1. С. 335—336.
 45. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
 46. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.
 47. Уоссон Р.Г. Что такое сома арийцев? // Изменение состояния сознания и культура: хрестоматия / сост. О.В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 169—182.
 48. Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с.
 49. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / пер. с англ. К. Богущкого, В. Трилис. Киев: София, 1998. 384 с.
 50. Albert F. Die Waldmenschen Udehe Forschungsreisen im Amur und Usurigebiet. Darmstadt: C. W. Leske Verlag, 1956. 272 s.
 51. ПМА-1 (Полевые материалы автора. Камчатская область, Карагинский район, с. Ассора, 1992 г. Информатор корячка Х.Н.К.).
 52. ПМА-2 (Полевые материалы автора. Приморский край, Красноармейский район, с. Рощино, 2021 г. Информатор удэгеец К.В.Н.).

REFERENCES

1. Avrorin V.A., Koz'minskiy I.I. Predstavleniya orochey o Vselennoy, o peregelenii dush i puteshestviyakh shamanov, izobrazhennyye na «karte» [Orochi Ideas about the Universe, the Transmigration of Souls and the Journeys of Shamans Depicted on the "Map"]. *Sb. Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1949, vol. 11, pp. 324—334. (In Russ.)
2. Avrorin V.A., Lebedeva V.P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch Texts and Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 264 p. (In Russ.)
3. Alekseeva E.K. *Ocherki po material'noy kul'ture evenov Yakutii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Essays on the Material Culture of the Evens of Yakutia (the Late 19th — the Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, 156 p. (In Russ.)
4. Anisimov A.F. *Kosmologicheskie predstavleniya narodov Severa* [Cosmological Ideas of the Peoples of the North]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, 106 p. (In Russ.)
5. Bat'yanova E.P., Bronshteyn M.M. Mukhomor v bytu, verovaniyakh, obryadakh, iskusstve narodov Severa [Fly Agaric in Everyday Life, Beliefs, Rituals, Art of the Peoples of the North]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 1, pp. 46—58. (In Russ.)
6. Beda Ya.A., Beda A.P., Beda A.Ya., Nikitina L.Ya., Nikitin S.O. *Opredelitel' 500 vazhneyshikh lechebnykh rasteniy Rossii* [Identifier of 500 Most Important Medicinal Plants of Russia]. Moscow, Kniga i Biznes Publ., 2013, 304 p. (In Russ.)
7. Bogoraz V.G. *Material'naya kul'tura chukchey* [Material Culture of the Chukchi]. Authorized translation from Eng., afterword and commentaries by I.S. Vdovin. Moscow, Nauka Publ., 1991, 224 p. (In Russ.)
8. Budishchev A.F. Obshchiy vzglyad na glavneyshie mestnye usloviya Priamurskogo kraya kak v otnoshenii lesov, tak i poseleniy russkikh [A General

- View on the Main Local Conditions of the Amur Region Both in Relation to Forests and Russian Settlements]. *Sb. glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoy Sibir'yu: Lesa Priamurskogo kraya. Opisaniye lesov Primorskoj oblasti* [Collection of the Most Important Official Documents on the Management of Eastern Siberia: Forests of the Amur Region. Description of the Forests of the Primorye Region]. Irkutsk, 1883, vol. 5, iss. 1, pp. 3—59. (In Russ.)
9. Bulakh E.M. *Griby Dal'nego Vostoka Rossii* [Mushrooms of the Russian Far East]. Vladivostok, Russkiy ostrov Publ., 2016, 400 p. (In Russ.)
 10. Vasil'eva L.N. *S'edobnye griby Dal'nego Vostoka* [Edible Mushrooms of the Far East]. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1978, 240 p. (In Russ.)
 11. Vereshchaka E.A. Traditsiya ispol'zovaniya krasnogo mukhomora (po etnograficheskim materialam chukchey, koryakov, itel'menov) [The Tradition of Using Red Fly Agaric (Based on Ethnographic Materials of the Chukchi, Koryaks, Itelmens)]. *Sibirskiy sbornik*, 2014, no. 4, pp. 326—339. (In Russ.)
 12. Vostrikova G.G., Vostrikov L.A. *Meditsina narodov Dersu* [Medicine of the Dersu Peoples]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1974, 64 p. (In Russ.)
 13. Dikov N.N. *Naskal'nye zagadki drevney Chukotki (petroglify Pegtymelya)* [Rock Mysteries of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel)]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 131 p. (In Russ.)
 14. Dobrotvorskiy M.M. *Aynsko-russkiy slovar'* [Ainu-Russian Dictionary]. Kazan', Tipografiya Kazanskogo un-ta Publ., 1875, 488 p. (In Russ.)
 15. Devlet M.A. Drevnie antropomorfnye izobrazheniya iz Sayanskogo kan'ona Eniseya [Ancient Anthropomorphic Images from the Sayan Canyon of the Yenisei]. *Sootnoshenie drevnikh kul'tur Sibiri s kul'turami sopredel'nykh territoriy* [The Relationship between Ancient Cultures of Siberia and the Cultures of Adjacent Territories]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, pp. 238—248. (In Russ.)
 16. Il'ina T.A. *Griby. Illyustrativnaya entsiklopediya. Sobiraem i gotovim* [Mushrooms. Illustrative Encyclopedia. Collecting and Cooking]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 176 p. (In Russ.)
 17. Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukagirized Tungus]. Translate from Engl. by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 675 p. (In Russ.)
 18. *Istoriya i kul'tura evenov* [History and Culture of the Evens]. Ed.-in-chief V.A. Turaev. Saint Peterburg, Nauka Publ., 1997, 180 p. (In Russ.)
 19. Karaev A.I. *Chukotsko-Anadyrskiy kray (oчерki mestnogo zhitelya)* [Chukotka-Anadyr Region (Essays by a Local Resident)]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, 1926, no. 4, pp. 136—152. (In Russ.)
 20. Kirilov N. *Tibetskaya meditsina* [Tibetan Medicine]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1893, no. 4, pp. 84—120. (In Russ.)
 21. Kobko V.V. *Katalog kollektsiy B.O. Pilsudskogo v Primorskom gosudarstvennom ob"edinennom muzee im. V.K. Arsen'eva* [Catalogue of B.O. Pilsudski's Collections in the Primorsky State United Museum Named after V.K. Arsenyev]. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo*, 1999, no. 2, pp. 3—152. (In Russ.)
 22. Kolosovskiy A.S. *Rasteniya-oberegi v religioznykh predstavleniyakh nivkhov* [Plants-Amulets in Religious Beliefs of the Nivkhs]. *Polevye issledovaniya na Sakhaline i Kuril'skikh ostrovakh* [Field Research on Sakhalin and the Kuril Islands]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey Publ., 1989, pp. 79—89. (In Russ.)

23. Krasheninnikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki: s prilozheniem raportov, dopeneniy i drugih neopublikovannykh materialov* [Description of the Land of Kamchatka: With Appendix of Reports, Dispatches and Other Unpublished Materials]. Moscow, Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1949, 841 p. (In Russ.)
24. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya. Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoy Evrazii* [Arctic Ethnoecology. Models of Traditional Nature Management of Sea Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 270 p. (In Russ.)
25. Leontovich S. *Kratkiy russko-orochonskiy slovar' s grammaticheskoy zametkoy* [Brief Russian-Orochon Dictionary with Grammar Note]. *Zap. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. Vladivostok, 1896, vol. 5, iss. 2, 147 p. (In Russ.)
26. Leont'ev V.V., Novikova K.A. *Toponimicheskiy slovar' Severo-Vostoka SSSR* [Toponymic Dictionary of the Northeast of the USSR]. Magadan, Magadanskoe kn. izd-vo Publ., 1989, 456 p. (In Russ.)
27. Lukina T.A. G.V. Steller o narodnoy meditsine Sibiri: Neopublikovannyi traktat 40-kh godov XVIII v. [G.V. Steller on the Folk Medicine of Siberia: Unpublished Treatise from the 1740s]. *Strany i narody Vostoka: Strany i narody basseyna Tikhogo okeana* [Countries and Peoples of the East: Countries and Peoples of the Pacific Ocean Basin]. Moscow, Nauka Publ., 1982, iss. 24, book 5, pp. 127—148. (In Russ.)
28. Merkulova V.A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy: Travy. Griby. Yagody* [Essays on Russian Folk Nomenclature of Plants: Herbs. Mushrooms. Berries]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 258 p. (In Russ.)
29. Panichev A.M. *Samarga: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Samarga: Past, Present, Future]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1998, 177 p. (In Russ.)
30. Podmaskin V.V. *Mifologicheskii slovar': korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka Rossii* [Mythological Dictionary: Indigenous Peoples of the Russian Far East]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013, 248 p. (In Russ.)
31. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivkhov: Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii* [Folk Knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: Problems of Ethnogenesis and Ethnic History]. Institut istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 540 p. (In Russ.)
32. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya udegeytshev: istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam XIX—XX vv.* [Folk Knowledge of the Udege People: Historical and Ethnographic Research Based on Materials from the 19th — the 20th Centuries]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1998, 228 p. (In Russ.)
33. Podmaskin V.V. *Etnomeditsina i etnodietologiya v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka Rossii (XVIII—XX vv.)* [Ethnomedicine and Ethnodietology in the History and Culture of the Peoples of the Russian Far East (the 18th — the 20th Centuries)]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2011, 304 p. (In Russ.)
34. Potanin G.N. *Gromovnik po pover'yam i skazaniyam plemen Yuzhnoy Sibiri i Severnoy Mongolii* [Thunderer According to the Beliefs and Legends of the Tribes of Southern Siberia and Northern Mongolia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Pyatoe desyatiletie. CC XIX*. Saint Petersburg, February, 1882, pp. 116—167. (In Russ.)
35. Sem T.Yu. *Shamanizm evenkov (po materialam Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya)* [Evenk Shamanism (Based on Materials from the Russian Ethnographic Museum)]. 2nd ed., rev. and enl. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2017, 302 p. (In Russ.)

36. Sem Yu.A. *Nanaytsy. Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX — seredina XX v.). Etnograficheskie ocherki* [Nanai. Material Culture (the Second Half of the 19th — 20th Centuries). Ethnographic Essays]. Institut istorii, arkheologii i etnografii Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1973, 313 p. (In Russ.)
37. Sem Yu.A., Sem L.I. *Leksika, svyazannaya s rastitel'nyim mirom, v nanayskom yazyke* [Vocabulary Related to Flora in the Nanai Language]. *Voprosy leksiki i sintaksisa yazykov narodov Kraynego Severa* [Questions of Vocabulary and Syntax of the Languages of the Peoples of the Far North]. Leningrad, Leningrad. gos. ped. in-t im. Gertsena Publ., 1988, pp. 3—28. (In Russ.)
38. Slyunin N.V. *Narodnye lekarstva na Dal'nem Vostoke: Mladshego sudovogo vracha N.V. Slyunina* [Traditional Medicines in the Far East: Junior Ship's Doctor N.V. Slyunin]. Saint Petersburg, Admiralteystvo Publ., 1889, 44 p. (In Russ.)
39. Smolyak A.V. *Ul'chi (khozyaystvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashchem)* [Ulchi (Economy, Culture and Life in the Past and Present)]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 290 p. (In Russ.)
40. Spiridonov N.I. *Oduly (yukagiry) Kolymского округа* [Oduly (Yukaghirs) of the Kolyma District]. Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 80 p. (In Russ.)
41. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary]. Comp. by V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 1, 672 p. (In Russ.)
42. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Etymological Dictionary]. Comp. by V.A. Gortsevskaya, V.D. Kolesnikova, O.A. Konstantinova, K.A. Novikova, T.I. Petrova, V.I. Tsintsius, T.G. Bugaeva. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. 2, 992 p. (In Russ.)
43. Sychev L.P., Sychev V.L. *Kitayskiy kostyum. Simvolika, istoriya, traktovka v literature i iskusstve* [Chinese Costume. Symbolism, History, Interpretation in Literature and Art]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 131 p. (In Russ.)
44. Toporov V.N. *Griby [Mushrooms]. Mify narodov mira. Entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia: In 2 Vol.].* Ed.-in-chief S.A. Tokarev. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998, vol. 1, pp. 335—336. (In Russ.)
45. Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 152 p. (In Russ.)
46. Tugolukov V.A. *Sledopyty verkhom na olenyakh* [Pathfinders Riding Reindeers]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 215 p. (In Russ.)
47. Uosson R.G. *Chto takoe soma ariytsev?* [What is Aryan Soma?]. *Izmenenie sostoyaniya soznaniya i kul'tura: khrestomatiya* [Changes in the State of Consciousness and Culture: A Reader]. Comp. by O.V. Gordeeva. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009, pp. 169—182. (In Russ.)
48. Khorev V.A. *Anan'evskoe gorodishche* [Ananyevskoye Settlement]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2012, 340 p. (In Russ.)
49. Eliade M. *Shamanizm: arkhaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Translate from Engl. by K. Bogutskiy, V. Trilis. Kiev, Sofiya Publ., 1998, 384 p. (In Russ.)
50. Albert F. *Die Waldmenschen Udehe Forschungsreisen im Amur und Ussurigebiet* [The Forest People Udehe Research Trips in the Amur and Ussuri Region]. Darmstadt, C. W. Leske Verlag Publ., 1956, 272 p. (In Germ.)